

Ст. пр. юридического факультета ГГАУ
А.Д. Дзидзоев

Становление советской судебной системы

(1917–1930-е гг.)

А.Д. Дзидзоев

Основы советской судебной системы были заложены сразу после октябрьских событий 1917 года. Согласно декрету II Всероссийского съезда Советов, в качестве центрального органа судебного управления создается Наркомат юстиции РСФСР [1, ст. 1], который осуществлял надзор за исполнением законов с правом опротестования незаконных постановлений и решений исполнительной власти, мог привлекать к уголовной ответственности нарушителей закона, надзирал и руководил расследованием дел, мог требовать пересмотра приговоров и решений судов, осуществлял надзор за законностью и правильностью содержания заключенных под стражей и через тюремно-карательный отдел осуществлял управление местами заключения. На местах представителями наркомата были комиссары юстиции, которые избирались местными Советами и фактически являлись местными органами судебного управления.

Первые суды, образованные после октября 1917 года, носили различные названия: революционные народные суды, следственные комиссии (с функциями суда), суды общественной совести, крестьянские суды и др. Комплектовались они из представителей Советов, партийных организаций большевиков и левых эсеров [2,32; 3]. Рассматривая разнообразные по форме, но одинаковые по их целям, задачам и принципам организации суды, создаваемые на местах еще до принятия СНК РСФСР Декрета о суде № 1, можно сделать некоторые общие для всех этих судов выводы: 1) несмотря на разнообразие форм и наименований, судебные органы на местах были организованы в принципе одинаково; 2) они избирались, как правило, местными органами власти, а в отдельных случаях — общими собраниями трудящихся; 3) выборы судей производились на сравнительно короткий срок (1—3 месяца); 4) все суды учреждались как коллегиальные органы, в которых каждый судья (председатель, член суда,

народный заседатель) имел равный с другими судьями голос; 5) демократические начала в деятельности суда выражались в гласности ведения дел, включавшей право присутствующих на судебном заседании задавать вопросы свидетелям и обвиняемым, выступать в качестве обвинителей или защитников по рассматриваемому делу; 6) как правило, суд выносил приговор или решение по делу на основе своего внутреннего убеждения; 7) постановляемые судами приговоры и решения были окончательными и обжалованию не подлежали; 8) все созданные суды являлись судами первой инстанции.

Декрет «О суде» № 1 был подписан Лениным 22 ноября 1917 года [4, ст.50]. Первоначальный проект декрета был разработан Народным комиссариатом юстиции РСФСР и опубликован в «Материалах Народного комиссариата юстиции».

Работа над созданием проекта была проведена в сжатые сроки — менее чем за неделю. Это объяснялось тем, что партии левых эсеров, которая должна была войти в состав коалиционного правительства, был обещан наркомат юстиции, и, несмотря на то, что левые эсеры и большевики достигли единства по наиболее важным моментам («рабочий контроль в промышленности и социализация земли в сельском хозяйстве») [5, 117], вопрос о суде оставался открытым. Левые эсеры полностью отказаться от всех институтов дореволюционной судебной системы не считали нужным, однако предлагали упразднить лишь отдельные судебные структуры, такие как сенат, судебные палаты, военный суд и др. Но считали целесообразным оставить в неприкосновенности мировой суд, кадровый состав которого был существенно обновлен и пользовался доверием народа [6, 21]. В окончательном варианте декрета «О суде» № 1 в ст. 2 было сказано, что мировые судьи не лишаются права «при изъявлении ими на то согласия быть избранными в местные

судьи, как временно советами, так и окончательно на демократических выборах».

Большевики считали необходимым упразднить все судебные органы и отстаивали идею о создании единого местного суда, который бы состоял из трудящихся и рассматривал в качестве суда первой инстанции все без исключения уголовные и гражданские дела [2, 103-104]. Левые эсеры, исходя из сложившейся ситуации в стране, которая характеризовалась разгулом преступности, настаивали на создании окружных судов, которые должны были рассматривать более сложные категории дел.

Еще одной проблемой была судьба старого законодательства. Большевики считали, что слом государственной машины должен повлечь за собой уничтожение всех старых законов. Сразу же возникал вопрос: чем должны руководствоваться судьи, если новое законодательство еще не создано? Попытка опереться на такие понятия, как «революционная совесть» и «революционное правосознание», и осуществлять судопроизводство только на их основании была признана недостаточной. В результате ст. 5 декрета «О суде» № 1 была дополнена следующим примечанием: «Отмененными признаются законы, противоречащие декретам ЦИК Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов и Рабоче-Крестьянского Правительства, а также программ РСДРП(б) и партии С.Р.». Как отмечал П. И. Стучка, «наш декрет о суде сделал все возможные, с нашей точки зрения, уступки; он не отрицает целиком писаного закона, но отводит ему подобающее, в переходную эпоху, место. Он признает писанный закон свергнутых правительств лишь постольку, поскольку таковой не отменен революционными декретами или революционным правосознанием народа. Действительно, формулировка эта страдает некоторой шаткостью, но она откровенна и нелицемерна. Она призывает народ решать вопросы о том, что еще остается в силе от прежних 16 томов свода законов и что из них уже окончательно отменено революцией» [7, 57].

Левые эсеры стремились к сохранению основной идеи судебной реформы 1864 г., предусматривавшей деление всех судов на местные и общие. Они также надеялись на возрождение суда присяжных в Советской России. Однако, как видно из содержания Декрета о суде №1, суд присяжных не получил законодательного закрепления.

Некоторые местные Советы, где ощущалось влияние левых эсеров, стремились сохранить основы судебно-следственной системы, предусмотренные Уставом уголовного судопроиз-

водства 1864 года. Это было одной из причин того, что в ряде мест некоторое время сохранялись старые суды, даже после принятия Декрета о суде № 1. О невыполнении на местах Декрета о суде № 1 писал Н.Н. Полянский в 1937 г.: «Время, когда был издан Декрет о суде № 1, было временем, когда власть на местах склонна была трактовать законы, исходившие от центральной власти, не как обязательные для себя нормы, а как директивы, сообщавшиеся только к руководству... К руководству, но не к исполнению был принят на местах и Декрет о суде № 1. Декрет постановил об упразднении окружных судов, а Совет Народных Комиссаров Ставропольской губернии «Правилами о введении местных судов» сохранил окружной суд в Ставропольской губернии, только введя в него депутатов от местного исполкома» [8, 60].

Декретом «О суде» № 1 помимо единого местного суда были созданы революционные трибуналы. Цель их создания была определена в ст. 8: «Для борьбы против контрреволюционных сил в видах принятия мер ограждения от них революции и ее завоеваний, а равно для решения дел о борьбе с мародерством и хищничеством, саботажем и прочими злоупотреблениями торговцев и промышленников, чиновников и прочих лиц учреждаются рабочие и крестьянские революционные трибуналы, в составе одного председателя и шести очередных заседателей, избираемых губернскими или городскими советами Р.С. и Кр. Депутатов».

Один из авторов декрета № 1 М. А. Рейснер писал: «...Трибуналы были созданы именно в целях применения “мер насилия”. Здесь было не до права и не до его толкования... Трибуналы не суть обычные народные суды, но чрезвычайные органы, которые и работают при помощи различных чрезвычайных вспомогательных учреждений, вроде Чрезвычайной Комиссии» [9, 27]. Таким образом, большинство юристов считало, что суд является органом правосудия, а трибунал – орган политической расправы, где проблема вины, доказательств не имеет никакого значения, уступая место политической целесообразности. Но к концу Гражданской войны уже никто не видел разницы между судом и трибуналом. Отчасти это стало возможным благодаря законодательной регламентации деятельности трибуналов, что придало им судебную форму.

Для производства предварительного следствия по уголовным делам, подсудным ревтрибуналам, при местных Советах должны были образовываться особые следственные комиссии [10, 15]. 19 декабря 1917 г. Наркомат юстиции принял Инструкцию «О революционных трибуна-

лах, его составе, делах, подлежащих его ведению, налагаемых им наказаний и о порядке ведения его заседаний». Прежде всего, в ней приводился перечень составов преступлений, подсудных ревтрибуналам. Революционные трибуналы рассматривали уголовные дела об организации восстаний против советского правительства, а также о лицах, не подчинявшихся советскому правительству. К подсудности ревтрибуналов относились: саботаж, сокрытие или уничтожение документов или имущества; действия по прекращению или сокращению производства предметов массового потребления без действительной к тому необходимости. Кроме того, ревтрибуналы рассматривали уголовные дела о злоупотреблениях служебным положением и другие.

Инструкция от 19 декабря 1917 г. предусматривала перечень наказаний, применявшихся ревтрибуналами. К ним относились денежный штраф, лишение свободы, удаление из столиц, отдельных местностей или пределов Российской республики, общественное порицание, объявление врагом народа, лишение всех или некоторых политических прав, секвестр или конфискация (частичная или общая) имущества, обязательные общественные работы. Смертная казнь пока еще в Инструкции не предусматривалась [11, 57]. На первом этапе строительства советских судебных органов была осуществлена идея создания двух систем судов: общих судов и революционных трибуналов.

В связи с тем, что большевики стали с трудом удерживать власть в своих руках, революционные трибуналы начали превращаться из специальных судебных органов в чрезвычайные судебные органы. 16 июня 1918 г. было опубликовано постановление НКЮ, наделившее революционные трибуналы чрезвычайными полномочиями. В выборе меры наказания они не были связаны никакими ограничениями, т. е. им было предоставлено право применения высшей меры наказания.

Оформление системы трибуналов как системы чрезвычайных революционных судов, обладавших самыми широкими полномочиями в области осуществления правосудия по уголовным делам, было завершено изданием 12 апреля 1919 г. «Положения о революционных трибуналах» [12, ст. 112]. Кроме чрезвычайных комиссий и особых отделов, право направления дел в трибуналы принадлежало в отдельных случаях народному комиссару юстиции, народному комиссару внутренних дел, народному комиссару рабоче-крестьянской инспекции, местным губисполкомам и президиумам местных советов народных судей [13, 45]. Революционные трибуналы учреждались во всех губернских городах по одному на

губернию. Такие же трибуналы могли быть учреждены местными советами по соглашению с наркомом юстиции в городах, насчитывающих свыше 200 000 населения.

В «Положении» говорилось, что все революционные трибуналы, учрежденные в ином порядке или действующие с нарушением правил, изложенных в этом «Положении», упраздняются [14, 80]. Революционные трибуналы должны были избираться местными советами и губернскими исполнительными комитетами в составе одного председателя трибунала и двух членов трибунала, в том числе один должен был быть из состава местной коллегии Губчека. Об избрании или изменении состава трибунала местный совет должен был сообщать в кассационный трибунал, которому принадлежало право мотивированного отвода председателя трибунала.

Согласно положению о трибуналах, губернские исполнительные комитеты могли, в пределах штатов трибуналов и в зависимости от местных потребностей, как и для выездных сессий трибуналов, образовывать тем же порядком второй и третий составы трибуналов из 3 членов. Члены трибунала избирались на 3 месяца, каждый член трибунала мог быть как переизбран, так и отозван до срока постановлением тех же советов и губернских исполнительных комитетов [13, 47].

Согласно статье 18 Положения, заседания трибунала были публичны и проходили в присутствии обвиняемого. Отсутствие обвиняемого не могло служить препятствием к слушанию дела. Во всех трибуналах порядок допроса вызванных на заседание свидетелей и экспертов зависел от трибунала. Трибунал вправе был прекратить допрос и мог не допрашивать остальных свидетелей, если признавал дело и обстоятельства достаточно выясненными. Допущение новых свидетелей также зависело от трибунала. От трибунала зависело и приобщение к делу новых документов либо оглашение уже приобщенных.

Революционный трибунал был вправе постановить о недопущении прений сторон после окончания судебного следствия, если признавал дело в достаточной степени выясненным судебным следствием. Приговоры трибуналы выносили, «руководствуясь исключительно обстоятельствами дела и велением революционной совести» [15, 348]. В совещательной комнате никто не мог присутствовать, кроме членов трибунала, участвовавших в процессе. «Положение о революционных трибуналах» наделяло эти органы правом скорой репрессии: отменялся институт заседателей, участие защитников в судебном заседании зависело от решения трибу-

нала, не допускалось обжалование приговора в апелляционном порядке. Копия приговора должна была вручаться осужденному не позднее 24 часов после вынесения приговора. В кассационном порядке приговоры могли быть обжалованы, исключая приговоры верховного трибунала при ВЦИК, приговоры военных трибуналов, приравненных к ним, в том числе и военно-железнодорожных. На подачу кассационных жалоб на приговор трибунала предоставлялось 48 часов с момента вручения приговора осужденному [16, 28].

В связи с тем, что подсудность трибуналов расширялась, они рассматривали дела не только политические, но и дела о преступлениях хозяйственных, должностных и др. И так, по своим полномочиям, организации, формам процессуальной деятельности революционные трибуналы превратились в чрезвычайные специальные судебные органы. Установленные законами разграничения в компетенции правоохранительных органов (ЧК, ревтрибуналы, народные суды) были недостаточно конкретны, а на деле и предусмотренные разграничения не всегда соблюдались.

В марте и в июле 1918 года были изданы декрет «О суде» № 2 и декрет «О суде» № 3.

Декретом № 2 были учреждены окружные народные суды, которые рассматривали дела, превышающие подсудность местного суда. Они действовали только как суды первой инстанции; в качестве же кассационной инстанции для местных судов продолжали существовать учрежденные декретом № 1 уездные (столичные) съезды (советы) местных судей. Первый Всероссийский съезд комиссаров юстиции, проходивший в апреле 1918 года, указал на временный характер окружных судов, пока не будут окончены дела, находящиеся в производстве в старых судах.

Декретом № 3 было проведено разграничение подсудности дел между местными и окружными народными судами. На местные народные суды было возложено рассмотрение большинства мелких гражданских и уголовных дел. Дела о посягательствах на человеческую жизнь, об изнасиловании, разбое, бандитизме, подделке денежных знаков, взяточничестве и спекуляции подлежали рассмотрению окружными народными судами. Кассационной инстанцией для дел, рассмотренных в местных народных судах, был сохранен уездный, а в столицах – столичный съезд местных народных судей.

Как уже было указано выше, судами применялись и нормы дооктябрьского права. Первым актом, разрешающим им пользоваться старыми

законами, был Декрет о суде № 1 (ст. 5). В декрете «О суде № 2» также дважды упоминается о дореволюционных законах: при определении порядка судопроизводства (ст. 8) и в гл. II «О действующих законах» (ст. 32).

Однако насколько позволяют судить архивные материалы и публикации, при разрешении уголовных дел местные суды старыми уголовно-правовыми нормами руководствовались редко. Кроме того, многие дела доставались рабоче-крестьянским судам от дореволюционного периода; уже подготовленные к производству, они содержали квалификацию деяния по ранее действовавшему праву [17, 51]. В то же время при назначении наказания судьи обычно руководствовались декретами Советской власти и революционным правосознанием.

Что касается гражданских дел, то «часть их (норм), например, о браке, о наследстве, об опеке, о собственности на землю и т. д.» были отменены советскими законами, «но прочие законы о разных договорах и сделках, о вознаграждении за убытки и т. д. в переходное время к новому общественному строю еще не отпали сразу, а отчасти еще соответствуют настоящим взаимоотношениям людей, почему и подлежат применению» [18, 31]. Однако местные народные суды и здесь большей частью руководствовались декретами Советской власти и революционным правосознанием. Случаи обращения к старым гражданским законам были крайне редки.

Окружные суды, рассматривавшие более сложные дела, в основном укомплектовывались старыми кадрами. В отчете Отдела судостроительства НКЮ за апрель – июнь 1918 г. Д. И. Курский писал: «Состав членов народных окружных судов недостаточно еще выяснен, но из имеющихся в Отделе данных можно с определенностью сказать, что при комплектовании народных судов местные Совдепы стремились привлечь главным образом юристов... и в этом отношении элемент специалистов преобладает». Воспитанные в духе почтения к дореволюционному праву, эти судьи в основном руководствовались старыми законами. Причем, если местные суды использовали нормы старого права по преимуществу для квалификации преступлений, то окружные – при вынесении приговоров.

Революционные трибуналы ввиду того, что в них помимо контрреволюционных рассматривались и общеуголовные преступления, также иногда применяли нормы старого права. Заведующий уголовным отделом НКЮ рекомендовал в случае самосудов «возбуждать уголовное преследование по признакам 1451 и следующих ст. Уложения о наказаниях» [17, 52].

Таким образом, дореволюционное право применялось не только местными, но и окружными народными судами и даже, однако в очень незначительной степени, революционными трибуналами. Для удобства квалификации преступлений нормами старых уголовных законов пользовались и органы следствия — следственные комиссии [17, 54].

Такое положение существовало до выхода Положения о народных судах (30 ноября 1918 г.), запрещавшего ссылки на законы свергнутых правительств. Именно до этого времени суды могли использовать нормы дореволюционного гражданского, уголовного, процессуального права, хотя декреты Советской власти существенно ограничивали их применение, особенно гражданского и процессуального права. Поскольку в большинстве декретов не указывалось, какие нормы они отменяют, таковыми признавались все законы, противоречившие декретам ВЦИК и СНК. Вместе с тем в подавляющем большинстве коллизии возникали между старыми законами и революционным правосознанием. В отчете Отдела судеустройства за апрель — май 1918 г. указывалось, что «практика местных судов двух крупных центров, Петрограда и Москвы, с первых же шагов столкнулась с явным противоречием между буквой дореволюционного Уложения о наказаниях и революционным правосознанием, прежде всего в области норм наказания» [3, 44].

Положение о едином народном суде было издано 30 ноября 1918 года. Оно упразднило окружные суды, оставив в качестве судебных звеньев народный суд, советы (съезды) народных судей в качестве кассационной инстанции для приговоров и решений народных судов и революционные трибуналы.

21 октября 1920 г. ВЦИК утвердил новое положение о народном суде РСФСР, которое внесло ряд изменений в судеустройство и судопроизводство народного суда в соответствии с решением третьего съезда деятелей советской юстиции. Новое положение о народном суде упразднило коллегиальность предварительного следствия, ввело институт народных следователей, сохранялось участие защиты. Было сохранено также старое правило, по которому постоянный народный судья в неотложных случаях мог сам лично производить расследование.

В связи с окончанием Гражданской войны и переходом к НЭПу потребовалось проведение судебной реформы. На VI Всероссийском съезде деятелей советской юстиции, состоявшемся в январе 1922 года, было заявлено: «Теперь возникает в связи с новой экономической полити-

кой целый ряд гражданских дел, которые будут в значительной степени решать важные вопросы нашей экономической политики, и мы народному суду не доверяем» [19, 51]. Был поставлен вопрос о том, чтобы все уголовные наказания налагались только судом, потому что только так можно было гарантировать право обвиняемого на защиту и на справедливо вынесенный приговор.

На подготовительном этапе, в феврале 1922 года, была ликвидирована ВЧК и образовано Государственное политическое управление, которое занималось пресечением и расследованием контрреволюционных и наиболее тяжких государственных преступлений с обязательной передачей дела в суд [20, 55-58]. Начало судебной реформы было положено изданием Положения об адвокатуре (6 мая 1922 года) и Положения о прокуратуре (28 мая 1922 года) [21].

Была реализована концепция судебной реформы, предложенная Н. В. Крыленко, который, идя навстречу чаяниям власти, предложил предельно централизованную судебную систему, не признававшую «несменяемости судей, независимости судей и надклассового содержания их решений» [22, 4]. Произошло слияние общей и политической юстиции, и к руководству вновь созданными губернскими судами пришли, как правило, бывшие председатели и члены революционных трибуналов. Губернские суды сохранили за собой «трибунальную подсудность» по первой инстанции. Народный суд был поставлен в жесткие рамки, контроль за ними осуществлялся губернскими судами. Верховный суд РСФСР осуществлял надзор за судебной деятельностью всех судов республики, являлся кассационным судом по делам, рассматривавшимся губернскими судами, и был судом первой инстанции по важнейшим уголовным и гражданским делам.

Положение о судеустройстве РСФСР (принято 3 ноября 1922 года и вступило в действие с 1 января 1923 года) зафиксировало создание в РСФСР единой системы судебных органов, состоявшей из: 1) народного суда в составе постоянного народного судьи; 2) народного суда в составе постоянного народного судьи и двух народных заседателей; 3) губернского суда; 4) Верховного суда РСФСР.

С объединением советских республик в единое союзное государство в ноябре 1923 года был создан Верховный суд СССР. По положению о Верховном суде СССР, утвержденному 23 ноября 1923 года, он являлся не только судебным органом первой инстанции, но и органом надзора за соблюдением Конституции СССР и законнос-

ти в целом, за деятельностью верховных судов союзных республик.

В 1926 году Верховный суд СССР стал кассационной инстанцией по делам, рассматривавшимся военными трибуналами [23, ст. 412, 413], а в 1929 году он получил право законодательной инициативы [28, ст. 445].

После практического завершения коллективизации, правительство пошло на свертывание внесудебных репрессий. Было издано постановление ЦИК СССР от 25 июня 1932 года «О революционной законности», в котором (в секретной

статье) говорилось о прекращении изъятия «классовых врагов», а следовательно, и свертывании деятельности «троек» на местах [25, ст. 298]. Постановлением Политбюро ЦК партии от 7 мая 1933 года «тройкам» ОГПУ в республиках, краях и областях запрещалось выносить приговоры к расстрелу.

Закон о судоустройстве СССР и союзных республик [26] от 16 августа 1938 года отделил функции правосудия от функций судебного управления, которые целиком перешли Наркомату юстиции СССР и его местным органам.

Литература

1. СУРСФСР. 1917. № 1.
2. **Материалы** НКЮ. Вып. II. М., 1918.; Вып. III.; Вып. V.
3. **Пролетарская** революция и право. 1918. № 7.
4. СУРСФСР. 1917. № 4.
5. **Спирина М. В.** Крах мелкобуржуазной концепции социализма левых эсеров. – М., 1987.
6. **Яцкова А.** История советского суда // «Отечественные записки». 2003. № 3.
7. **Стучка П. И.** Старый и новый суд // **Материалы** НКЮ. Вып. II. – М., 1918.
8. **Полянский Н.** Общественное обвинение в советском законодательстве // «Социалистическая законность», 1937. № 11.
9. **Рейснер М.** Право. Наше право. Чужое право. Общее право. – М.; Л., 1925.
10. **Титов Ю. П.** Создание и развитие революционных трибуналов в РСФСР. – Харьков, 1990.
11. **Портнов В. П. Славин М. М.** Становление правосудия советской России 1917–1922 гг. – М., 1990.
12. СУРСФСР. 1919. № 13.
13. **Лацис М. И.** Чрезвычайные комиссии в борьбе с контрреволюцией. – М., 1921.
14. **Кожевников М. В.** История советского суда 1917–1947. – М., 1957.
15. **Из истории** Всероссийской чрезвычайной комиссии (1917–1921 гг.). Сб. док. – М., 1958.
16. **Титов Ю. П.** Создание и развитие революционных трибуналов в РСФСР: автореф. дис... д-ра. юрид. наук. – Харьков, 1987.
17. **Новицкая Т. Е.** Использование дооктябрьских норм права в первый год Советской власти // «Правоведение», 1983. № 3.
18. **Стучка П.** Народный суд в вопросах и ответах. – М.; Пг., 1918.
19. **Материалы** НКЮ. Вып. XVI–XVII. – М., 1922.
20. **Титов Ю. П.** ВЧК в первые годы Советской власти // Вестник Московского университета. 1963. № 1. Серия X. Право.
21. СУРСФСР. 1922. № 136.
22. **Крыленко Н. В.** Реформа судоустройства // ЕСЮ, 1922. № 27–28.
23. **СЗ СССР.** 1926. № 57.
24. **СЗ СССР.** 1929. № 50.
25. **СЗ СССР.** 1932. № 50.
26. **Ведомости** Верховного Совета, 1938. № 11.